

Если верить Страбону и Диогену Лаэртскому, все десять лет своего вынужденного изгнания из Афин их бывший правитель Деметрий Фалерский провёл в Фивах – родном городе киника Кратета Фиванского. И, естественно, не миновал общения с ним. Насколько можно судить, тема взаимоотношений Деметрия Фалерского с кинизмом как учением никогда не рассматривалась в антиковедении. Наше исследование – первая попытка. Однако при всей неочевидности возможных выводов, неизбежной ввиду плачевного состояния сохранившихся источников, она заслуживает пристального внимания. Ибо киники в заметной степени ответственны за социальный и философский фон эпохи раннего эллинизма.

Сергей Белозеров

На дне. У киника Кратета

Пока не предъявлены веские возражения против традиционной датировки переезда Деметрия Фалерского в Александрию, нам остается всего одна очевидная вероятность. Мы можем исходить только из допущения, что он был вынужден кончиной в 297 году до н.э. Кассандра, который поставил Деметрия управлять Афинами двумя десятилетиями раньше. Однако они разложились практически ровно пополам между Афинами и, если иного нам действительно не дано, Фивами, где изгнаннику выпало переживать горечь отлучения от деятельной и полнокровной жизни.

До сих пор мы никак не касались иных философских учений, помимо пифагореизма, воззрений Платона и его приверженцев, а также перипатетиков. У нас не было для этого повода. Теперь он появляется. По крайней мере, в отношении киников.

В нашем случае мы имеем дело с очевидной трудностью. Прародителем кинизма считается Антисфен. Самым известным представителем школы и самой яркой личностью в ее истории остался Диоген Синопский. Тем не менее киническим персонажем, с которым судьба свела Деметрия Фалерского, был Кратет Фиванский.

Застал ли Деметрий Диогена? Мы этого не знаем. Во всяком случае, из свидетельств Евбула, Деметрия Магнесийского, Афиня и других древних писателей, на которых ссылается Диоген Лаэртский, следует, что Диоген умер все-таки в Коринфе, где жил у Ксениада, а не в Афинах.

Еще одна общая проблема с киниками состоит в фактическом отсутствии их письменной традиции. Даже если она и существовала в таких размерах, как указывают доксографы, от нее к нашему времени остались крохи — при том, что именно киники, возможно, выступили пионерами в таких жанрах как хрия, диатриба и мениппея. Антисфен, отпрыск афинянина и рабыни-фракиянки, был плодовитым писателем — Диоген Лаэртский приписывает ему 10 томов сочинений (всего 74 названия). *«Тимон, издеваясь над их многочисленностью, называет его "болтуном на все руки».*¹ Собственно, следующий пассаж из компендиума Лаэртского, относящийся к Антисфену, можно рассматривать как квинтэссенцию кинизма: *«Мнения его были вот какие. Человека можно научить добродетели. Благородство и добродетель – одно и то же. Достаточно быть добродетельным, чтобы быть счастливым: для этого ничего не нужно, кроме Сократовой силы. Добродетель проявляется в поступках и не нуждается ни в обилии слов, ни в обилии знаний. Мудрец ни в чем и ни в ком не нуждается, ибо все, что принадлежит дру-*

---

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VI, 1, 18, перевод М.Л.Гаспарова.

гим, принадлежит ему. Безвестность есть благо, равно как и труд. В общественной жизни мудрец руководится не общепринятыми законами, а законами добродетели. Он женится, чтобы иметь детей, притом от самых красивых женщин; он не будет избегать и любовных связей – ибо только мудрец знает, кого стоит любить. Диокл приписывает ему также и следующие мнения. Для мудреца нет ничего чуждого или недоступного. Хороший человек достоин любви. Все, кто стремится к добродетели, друзья между собой. Своими соратниками надо делать людей мужественных и справедливых. Добродетель – орудие, которого никто не может отнять. Лучшие сражаться среди немногих хороших людей против множества дурных, чем среди множества дурных против немногих хороших. Не пренебрегай врагами: они первыми замечают твои погрешности. Справедливого человека цени больше, чем родного. Добродетель и для мужчины, и для женщины одна. Добро прекрасно, зло безобразно. Все дурное считай себе чуждым. Разумение – незыблемая твердыня: ее не сокрушить силой и не одолеть изменой. Стены ее должны быть сложены из неопровержимых суждений».²

В нем в зародыше содержатся все положения доктрины кинизма, развитые впоследствии его продолжателями, и главным образом Диогеном из черноморского Синопа. Как и Антисфен, Диоген — маргинал, обездоленный в благах повседневной жизни. Он даже побывал рабом (а по некоторым догадкам, и кончил им жизнь). Как и Антисфен, Диоген писал, у Лаэртского приведен перечень его сочинений — 13 диалогов, 7 трагедий и послания. Доксограф указал и разночтения у биографов — Сосикрата Родосского, Сатира и Сотииона. Первые два вообще отрицали авторство Диогена. Установить истину затруднительно — от письменного наследия Диогена почти ничего не сохранилось. Хотя в двух найденных на вилле в Геркулануме папирусах с трактатом Филодема Гадарского «О стоиках» (РНерс 155 и РНерс 339) содержится разбор диогеновского «Государства» и упоминания трех его трагедий. Однако, даже невзирая на утерю письменного наследия, Диоген остался в памяти человечества яркой и незаурядной личностью. Своим эпатажным поведением, вызывающей мизантропией³, невероятным минимализмом в потребностях, шокирующей отъединенностью от людей и возведением в абсолют антисфеновской максимы «Я предпочел бы безумие наслаждению»⁴ он создал то, что теперь называется киническим образом жизни. Антисфен в сравнении со своим учеником лишь теоретик. Диоген же сугубо практичен, он не излагает и не проповедует, он показывает и делает.

Как ни странно, жители и Афин, и Коринфа не считали себя уязвленными, презренными и не держали зла на Диогена: *«Однако афиняне его любили: так, например, когда мальчишка разбил его бочку, они его высекли, а Диогену дали новую бочку».*⁵ Умер он, похоже, все-таки в Коринфе. *«Между учениками, говорят, разгорелся спор, кому его хоронить, и дело даже дошло до драки; но вмешались родители и старейшины и указали похоронить Диогена возле ворот, ведущих к Истму. На его могиле поставили столб, а на столбе – собаку из паросского камня.*

---

² Там же, 11 – 12.

³ Там же, VI, 2, 24.

⁴ Там же, VI, 1, 3.

⁵ Там же, VI, 2, 43.

Впоследствии сограждане Диогена также почтили его медными изображениями, написав на них так:

Пусть состарится медь под властью времени – все же

Переживет века слава твоя, Диоген:

Ты нас учил, как жить, довольствуясь тем, что имеешь,

*Ты указал нам путь, легче которого нет».*⁶

Это надгробие, кажется, дожило до II века нашей эры, и, не исключено, даже попадалось на глаза Павсанию.⁷

Из эскапад Диогена многие широко известны. Он мог днем с зажженной лампой искать человека, а сбегаящихся на его зов охаживать палкой, приговаривая: «Я звал людей, а не мерзавцев».⁸ На предложение Александра Македонского выполнить любую его просьбу произнести с нарочито-равнодушным флегматизмом: «*Не заслоняй мне солнца*».⁹ При Херонее, стоя плененным перед Филиппом II, на его вопрос о своих занятиях бесстрашно ответить: «*Слежу за твоей ненасытностью*».¹⁰ Прилюдно рукоблудствуя на площади, приговаривать: «*Вот кабы и голод можно было унять, поглаживая себе живот*».¹¹ Осматривая по приглашению местного богача выстроенный и отделанный им дом, в конце экскурсии плюнуть в лицо хозяину и объяснить: «*Не нашел в доме места гаже*».¹² Разглядывая удавившихся на оливе женщин, заявить: «*О если бы все деревья приносили такие плоды!*».¹³

Замечателен один коринфский эпизод: «*Когда Филипп объявил, что идет войной на Коринф, и все бросились готовиться против него, Диоген принялся катать туда и сюда свою собственную бочку. Его спросили: "Зачем это, Диоген?" Он ответил: "У всех сейчас хлопоты, потому и мне нехорошо бездельничать; а бочку я катаю, потому что ничего другого у меня нет*».¹⁴ С формальной стороны нетрудно усомниться в подлинности этого пассажа, поскольку он встречается не во всех рукописях, а только в более поздних. Нам искренне жаль, если это так и окажется.

Может быть, больше всего должна впечатлять далеко не самая броская, но весьма характерная апофтегма Диогена, в чем-то символ кинического нонконформизма: «*Он шел в театр, когда все выходили оттуда навстречу ему. На вопрос, зачем он это делает, он сказал: "Именно так я и стараюсь поступать всю свою жизнь*».¹⁵ И даже на вопрос, как его похоронить, поставил всех в тупик ответом: «*Лицом вниз*».¹⁶

⁶ Там же, VI, 2, 78.

⁷ Павсаний. Описание Эллады, II 2, 4.

⁸ Диоген Лаэртский, указ. соч., VI, 2, 32.

⁹ Там же, VI, 2, 29.

¹⁰ Там же, VI, 2, 43.

¹¹ Там же, VI, 2, 46 и 69.

¹² Там же, VI, 2, 78. В Древней Греции в домах обычно имелось место, что-то вроде импровизированной урны, куда гости, откашлявшись, сплевывали.

¹³ Там же, VI, 2, 52.

¹⁴ Диоген Лаэртский, вставка из поздней рукописи после VI, 2, 69.

¹⁵ Там же, VI, 2, 64.

¹⁶ Там же, VI, 2, 32.

Если тебе дали линованную бумагу, пиши поперек!

Это — характерный кинический выход из противостояния с эмпирическим миром, построенном на принуждении, несправедливости и очерчивании пределов, на ограничении свободы мудреца, мыслящей личности, различными условностями, запретами или приманками удовольствий. Киник понимает, что не в его воле переделать внешний мир, подчинить законы и направление его развития цели достижения совершенства в добродетели, и потому его отношение с окружающей действительностью — всегда негатив, всегда неприятие, постоянное третигование правил и привычек общежития. Средством выражения этой непримиримости Диоген выбрал, помимо обыкновения называть вещи своими прямыми именами, неистощимое, грубое и всегда колкое остроумие. Он не упускает ни одной возможности уколоть им и в этом занятии не знает ни жалости, ни усталости. А знает и, как никто, проявляет — то, что Лев Шестов назвал крайней безудержностью.¹⁷ Диоген будет вышучивать, будет скабрешничать, будет прилюдно отправлять свои естественные надобности обычно интимного свойства. Чтобы тем унижить и принизить идеалы сытой, размеренной, устроенной жизни, подчиненной удовольствиям (и поддающейся соблазну обладать ими для себя, отдельно от всех), тяга к которым замещает в людях стремление к добродетели, и внушить слушателям отвращение к ним. Для этого одной «Сократовой силы», обычной твердости духа и самообладания недостаточно, требовалось «свихнуться»¹⁸ - открыть такой способ восприятия и аргументации, перед которым спасовало бы серьезное философствование. И он обнаружился. Это постоянное снижение, задиранье, провокационная развязность, насмешка, гротескное заострение, порой даже издевка. Не нашлось места гаже! Паяц, фигляр, площадной комедиант, кривляка, поднаторевший в трагедийных приемчиках, всегда выйдет победителем из схватки с неподдельно-угрюмой серьезностью, потому что это он выбирает оружие и к тому же играет на своем поле. Проповедь самоотречения и добродетели будет тем действеннее, если исходит от действительного маргинала, добровольного нищеврода, чем от благополучно устроенного и всегда сытого человека, обладателя взыскуемых законопослушным бюргером удобств. Диоген виртуозно доказывает, что грамотный троллинг появился задолго до сетевых коммуникаций и напрасно наше время считает его своим изобретением и принадлежностью.

Диоген знал, что существует и противоположность постоянной мирской несправедливости и принуждению ко лжи. Противоположность, наполненная добром и свободой. Деятельная, но

---

¹⁷ *«Основная черта всех циников — это крайняя безудержность. Того μηδέν άγαν, того чувства меры, которое свойственно эллинам, тут нет и следа. Наоборот — мы можем понять философию циников только как попытку прорваться и выйти за всякие пределы в область безграничного. Если Аристотель был μέτριος εις ύπερβολήν, то циники, наоборот, были неумеренными до крайности»* - Лев Шестов. Лекции по истории греческой философии, Москва: Русский путь - Париж: YMCA-Press, 2001. с.197.

¹⁸ *«Так что несомненно Платон был прав, когда говорил, что Диоген Синопский, тот Диоген, о котором предавали, что он жил в бочке и так вызываясь разговаривал с покровителем мира Александром Македонским, так вот Платон был прав, называя этого Диогена сошедшим с ума Сократом. Если безумие есть отрицание всяких пределов, то, конечно, Диоген был безумцем. Но нужно не забывать, что его безумие, как и безумие всех остальных представителей цинических школ, было, подобно безумию шекспировского Гамлета, систематическим. С этой точки зрения школа циников представляется столь же загадочной, сколько и притягательной. Загадочно, что толкает людей за пределы им разрешенных достижений. Притягательно — узнать, до чего может дойти Сократ, потерявший способность управлять и владеть собой»* - там же, с.197-8.

направленная внутрь. Существующая внутри — внутри него, внутри любого мудреца, отринувшего вериги обыденного эмпирического мира через аскесис, через минимализм вплоть до бескорыстной раздачи имущества, добровольного нищенства и бездомного бродяжничества – натурального самоотречения. Добровольная роль социального аутсайдера, принимаемая на себя киниками, — сама по себе инвектива миру суетности и вожделеющих инстинктов. Пытливый ум, интеллект кратчайшую дорогу к личному счастью и довольству ищет и находит в опрощении, в непритязательном образе жизни, в освобождении от всего лишнего, необязательного, наносного. Такая киническая автаркия была просто другим наименованием свободы от злоторных проявлений и установлений окружающей повседневности. И только знание об этом, первом полюсе лжи, притеснения и несправедливости, и о втором - свободы - имеет значение.

«Все же, что лежит вне добра и зла, человека не касается: это — область безразличного (αδιάφορα) и потому относится к области для человека безразличного (τα δὲ μεταξὺ ἀρετῆς καὶ κακίας ἀδιάφορα λέγουσιν (Diog. VI. 105; Zeller. II-I. 257)). Добром же человек может назвать лишь то, чем он вполне владеет, над чем он сам себе хозяин. Хозяином же человек является не в материальном, а в духовном мире. В духовной и нравственной деятельности он вполне независим и принадлежит только себе. Мирские же блага даются и отнимаются случаем. Ксенофонт приводит такое изречение Антисфена: «Я считаю, господа, что люди имеют богатство и бедность не в доме, а в своих душах» (Xenophon Sympos. 4, 34; Zeller. II-I. 258). Свободен только тот, кому извне ничего не нужно, кто ищет только внутри самого себя. Человеку для блаженства нужна только добродетель. И потому главная задача его научиться презирать и пренебрегать всем, что вне его, и довольствоваться самим собой, т. е. тем особым новым миром, который он в себе открывает... Диоген говорил, что добродетель не живет ни в богатом городе, ни в богатом доме. Только нищенская жизнь дает свободу — ελευθερίας εἶναι τὴν ἀκτημυχτῶνην (Zeller. II-I. 259), т. е. свобода в отсутствии обладания имуществом. Стыдиться нищенского состояния — полнейшая бессмыслица; глупцы боятся человеческого суждения, разумные с ним не считаются. Глупцы же только и заботятся о своем добром имени и почетном положении; ибо доброе имя, по словам Диогена, только шум сумасшедших (ψόφος ἐστὶ μαϊνόμενων ἀνθρώπων (Epict. Diss. I. 24. 6; Zeller. II-I. 259)). Наоборот: хорошо, когда люди нас презирают, и плохо, если уважают, ибо только отверженность, непризнание и презрение могут излечить нас от свойственного всем людям тщеславия. Даже смерть не есть зло: λέγει δτι ο θάνατος οὐκ ἔσται κακόν οὐδέ γαρ αἰσχρόν (Zeller. II-I. 260), т. е. Антисфен говорит, что смерть не есть зло и что в ней ничего нет постыдного. Ведь мы после смерти не можем чувствовать, что в смерти есть что-либо дурное, ибо мертвые ничего не чувствуют. Противоположные суждения коренятся только в предрассудках, которыми, к несчастью, определяется жизнь большинства людей. Задача же мудреца — освободиться самому и освободить других от всей той путаницы лжи и вымыслов, из которых складывается обычное мирозерцание. Самый же опасный и вредный предрассудок состоит в том, чтобы считать целью жизни удовольствие. Как раз наоборот: самое бессмысленное, ненуж-

*ное и отвратительное в жизни — это именно удовольствие. Я уже говорил вам, но считаю нужным еще раз повторить изречение Антисфена, приводимое у Диогена Лаэртца: $\text{\textit{Ἐλεγε\textit{ }τε\textit{ }συνεχε\textit{ }ς\textit{ }μανε\textit{ }ιην\textit{ }μ\textit{ }αλλο\textit{ }ν\textit{ }ἢ\textit{ }ἡσθη\textit{ }ιην}$ (Diog. VI. 3; Zeller. II-1. 260) — «лучше мне сойти с ума, чем испытать удовольствие». В этих словах вся сущность цинизма, как в теории идей вся сущность платонизма».*¹⁹

Как и кинизм Антисфена, выходки Диогена — отрицание, протестное в своей основе. Но несущее в себе ростки кинической пайдеи. Как хорошо выразился Слотердаик, *«он, последний архаический софист и первый представитель традиции сатирического сопротивления, занимается Просвещением грубиянским».*²⁰

У Слотердайка вообще много любопытных определений Диогена, практически каждое из которых просится на глаза — вроде «антитеоретика, антидогматика, антисхоласта». Противопоставить свой позитивный идеал киники могут, только он будет слишком индивидуалистичен и может реализовываться лишь в границах отдельной личности, а вовне, в окружающей его среде — лишь отчасти.

Освобождение от лжи и несправедливости эмпирического мира достигается через неустанные духовные упражнения, усилия воли, через нравственное самоусовершенствование, через закаливание организма, через волю и привычку преодолевать голод и физические неудобства. Зимой обнимать припорошенные снегом статуи, летом перекатываться на раскаленный песок, и в любое время — просить подаяния у статуй, чтобы приучить себя к отказам.²¹

*«Он хвалил тех, кто хотел жениться и не женился, кто хотел путешествовать и не поехал, кто собирался заняться политикой и не сделал этого, кто брался за воспитание детей и отказывался от этого, кто готовился жить при дворе и не решался».*²²

В понимании киников только тот, кто таким образом придет к добродетели, может считаться настоящим мудрецом. И эта задача выполнима, но неимоверна сложна. Вот почему искать настоящего человека, а не частицу общей массы, запутавшейся в смешении лжи и вымыслов, даже днем приходится с огнем. Хотя истина об этом — на поверхности: *«Феофраст в своем "Мегарикe" рассказывает, что Диоген понял, как надо жить в его положении, когда поглядел на пробегающую мышь, которая не нуждалась в подстилке, не пугалась темноты и не искала никаких мнимых наслаждений».*²³

Мышь олицетворила для Диогена идею желательного *modus vivendi* — жизни в согласии с природой. Стиля жизни, который он утверждал всем своим практическим поведением.

«Даже дикие животные, - говорил он, - прозревают эти [формы божественной жизни]: аисты, например, избегают летнего зноя, перемещаясь в места благорастворенного воз-

¹⁹ Лев Шестов. Указ. соч., с.204-5.

²⁰ Петер Слотердаик. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория - Москва: АСТ, 2009, с.180 - пер. с нем. А. Перцева.

²¹ Кстати, жариться на солнцепёке, как свидетельствует Диоген Лаэртский (VII, 1, 1), любил Зенон Китионский. Как и вкушать зеленые фиги.

²² Диоген Лаэртский, указ. соч., VI, 2, 29.

²³ Там же, VI, 2, 22.

духа (*εἴκρατον αἴρα*), и проводят там время до тех пор, пока это им в радость; затем же, собравшись в стаи, они оставляют те места перед наступлением зимы; журавли же, неплохо переносящие зиму, вступая в брачную пору, улетают в другие места ради пищи. Олени и зайцы в холода спускаются с гор в ущелья и на равнины, где находят защиту от ветра в укромных местах, в жару же они уходят в леса и на крайний север (*βορείότατα τῶν χορίων*)).²⁴

Впрочем, Т.Гомперц возводит внимание киников к обычаям животного мира все-таки к Антисфену: *«Другой путь, более близкий Антисфену по духу, не есть путь сооружения после расчленения, но путь применения конкретного опытного материала. Недовольный настоящим строем жизни, ненавидя искусственность его и испорченность общественной жизни своего времени, он ищет спасения в возврате к изначальному, естественному. Привитым воспитанием потребностям, изнеженности и слабости культурного человека он противопоставляет отсутствие потребностей, выносливость и мнимое здоровье и долголетие животных. Он, совершенно чуждый естествознанию и математике, написал книгу «О природе животных». От нее не осталось ничего; но она, несомненно, преследовала ту же цель, что и многочисленные изречения киников и разные подражания им позднейших почитателей, а именно взять из жизни животных образцы и примеры для человеческой жизни. Вполне понятно, что этот метод сам по себе не мог привести к цели, если даже не отступать от крайних выводов, оскорбляющих утонченное человеческое чувство и пренебрегающих нравственным чувством, как это делали киники».*²⁵

Позже стойки присвоили себе кинический постулат-императив соприродности, как и многое другое. Как и остов учения о государстве. Известно от Диогена Лаэртского, что Зенон Китионский свое «Государство» писал «на собачьем хвосте» - с одноименного трактата Диогена. Что не удивительно, это ранняя работа родоначальника стоицизма, еще периода ученичества у Кратета²⁶. *«Некоторые, в том числе скептик Кассий, предъявляют Зенону много обвинений. Во-первых, говорят они, в начале «Государства» он объявил бесполезным весь общий круг знаний. Во-вторых, всех, кто не взывает добродетели, он обзывает врагами, ненавистниками, рабами и чужаками друг другу, будь это даже родители и дети, братья или домочадцы. Далее, в «Государстве» он числит гражданами, друзьями, домочадцами и свободными людьми только взывающих добродетели; поэтому-то для стоиков родители и дети — враги, ибо они не мудрецы. В том же «Государстве» он утверждает общность жен, а на 200-й строке запрещает строить в городах храмы, суды и училища; и о деньгах пишет так: «Денег не следует заводить ни для обмена, ни для поездок в чужие края». А одежду велит носить мужчинам и женщинам одну и ту же, и чтобы ни одна часть тела не была прикрыта полностью».*²⁷

²⁴ Дион Хризостом. Диоген, или о тирании, 32 – 33, перевод Т.Г.Сидаша.

²⁵ Теодор Гомперц. Греческие мыслители, гл. седьмая. Киники, т.2, Санкт-Петербург, Алетейя, с.130 – 131 – перевод Д. Жуковского и Е. Герцык.

²⁶ Диоген Лаэртский, указ. соч., VII, 1, 4.

²⁷ Там же, VII, 1, 32 - 34.

В свете этого нас должно мало удивлять то обстоятельство, что Т.Гомперц, например, в седьмой главе второго тома своих «Греческих мыслителей», посвященной киникам, именует древнейшую Стою «мало модифицированным кинизмом».

Мы лишены возможности анализировать — в сопоставительном либо ином плане — учения Диогена и Зенона о государстве. По большому счету мы не знаем практически ничего об их содержании. Хотя в том, что в своих сочинениях оба проводили и обосновывали идею мирового государства, космополиса, можно не сомневаться.

Позволим себе ещё одну длинную выдержку из блестящего опуса Слотердайка: *«Появление на сцене Диогена приходится на времена упадка Афин, оно совпадает с кануном македонского владычества, с которого начинается переход к эллинизму. Старый патриотический, замкнутый в узких рамках этнос полиса следует понимать в контексте распада — распада, который ослабляет привязанность индивида к его гражданству. То, что раньше было единственно мыслимым местом для наполненной смыслом жизни, обнаруживает свою оборотную сторону. Город становится тиглем, в котором выплавляются абсурдные обычаи, он превращается в пустой политический механизм, функционирование которого теперь можно наблюдать как бы со стороны и видеть его насквозь. Тот, кто не слеп, должен признать, что срочно требуется новый этнос, новая антропология; себя следует понимать уже не узколобым гражданином какого-то случайного городского сообщества, а индивидом, пребывающим в расширившемся космосе. В географическом отношении этому соответствует новое, широкое пространство общения македонской мировой империи, которая властно заявляет о себе; в культурном — великая эллинистическая цивилизация на побережье восточной части Средиземного моря; в экзистенциальном — опыт эмиграции, путешествий и странствий, а также опыт аутсайдеров общества, не находящих в нем места для себя. У Диогена это выражается так: «На вопрос, откуда он... отвечал: «Я — гражданин мира!» Эта грандиозная формула содержит предельно смелый ответ античности на тот опыт, который она обрела и который в высшей степени беспокоил ее, — на познание того, что разум теряет родину в социальном мире, а идея истинной жизни отделяется от эмпирически данных сообществ. Там, где включенность человека в общество тождественна для философа неоправданному требованию довольствоваться частным разумом своей случайной культуры и присоединяться к коллективной иррациональности общества, кинический отказ от нее имеет утопический смысл. Своим притязанием на разумную жизненность совершающий такой отказ изолирует себя от объективных превратностей и бессмыслицы. Так киник жертвует своей социальной идентичностью и отказывается от психологического комфорта, который дает такая принадлежность к какой-либо политической группе, когда не требуется задавать никаких вопросов. Он совершает свой отказ от социальной идентичности ради спасения идентичности экзистенциальной и космической. Он индивидуалистически защищает общее от того в лучшем случае полуразумного коллективного особенного, которое мы именуем государством и социумом. Формула «гражданин мира» — это ценнейший подарок античного киниз-*

*ма мировой культуре. «Единственным истинным государством он считал весь мир». В соответствии с этим мудрец-космополит как носитель живого разума может включить себя в общество, ничего не опасаясь, только тогда, когда оно станет мировым полисом. Вплоть до этого момента его роль — это всегда роль нарушителя спокойствия; он остается воплощенным угрызением совести, направленной против всякого господствующего самодовольства, и наказанием за всякую местную ограниченность».*²⁸

До сих пор, до момента, пока логика развития сюжета не требовала от нас скрупулезного разбора, мы избегали углубляться в характеристические особенности тех или иных философских школ или течений, ограничиваясь внешним, поверхностным упоминанием в связи с их гипотетической возможностью иметь более близкое касательство к нашей теме, нежели косвенное. Ни одна из них, если их возникновение в хронологическом и содержательном смысле подразумевало скорее самостояние, чем субъективированность, не дают нам повода к иному подходу. Но не так с киниками. У нас нет необходимости пытаться через них прийти к Алексарху, как мы осторожно это делали в случае Платона, Пифагора и даже эвгемериков. Осторожно - в силу крайней скудости сведений об Алексархе и его Уранополисе. Киники же имеют право на существование в контексте фиванского периода Деметрия Фалерского вне какой-либо зависимости от Алексарха и утопических моделей античности вообще и раннего эллинизма в частности. Из других течений эллинистической философской мысли последователи Антисфена и Диогена Синопского больше остальных сопрягаются с темой этой главы — для стоиков и эпикурейцев все-таки было слишком рано. Они еще не успели оформиться как философские школы, хотя Сад Эпикура уже существовал (появившись, правда, сразу после изгнания Деметрия Фалерского из Афин), и Зенон Китионский, родоначальник стоиков, вышел из поры ученичества и начал сам наставлять в Стоа Пойкиле, но случилось это на стыке IV и III столетий до нашей эры. Мы опускаем мегариков, которые все же основное внимание уделяли логике и эвристике.²⁹ Что же до еще одной сократической школы - киренаиков, весьма интересных для нас, то о них мы мельком вспомним в следующей главе.

Итак, Деметрий Фалерский во многом неожиданно для самого себя очутился в Фивах, не так давно заново отстроенных при его непосредственном участии. На положении изгнанника из Афин, своего рода метека в Фивах. И хотя в Фивах еще со времен Тридцати тиранов действовало «Всякий дом и всякий город в Беотии должен быть открыт для нуждающихся афинян»³⁰, вряд ли пребывание на чужбине, отрешенным от привычных дел и власти давалось Деметрию Фалерскому легко. Но метеками по преимуществу были в Афинах (и не только в них) первые киники. Диоген и Бийон Борисфенитский, выходцы из социальных низов, и пришли в Афины с припонтийских земель, Кратет был фиванцем, его ученик Метрокл и жена Гиппархия, очень похожая на безупреч-

---

²⁸ Петер Слотердайк. Указ. соч., с.258-9.

²⁹ Хотя вот известный милетец Эвбулид в свое время наставлял над Демосфеном и даже, как считается, оставил трактат, посвященный кинику Диогену. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Даже Зенон, учившийся у Кратета Фиванского и затем перешедший к академикам, написал о нем «Воспоминания» - в подражание ксенофоновским «мемуарам» о Сократе.

³⁰ Плутарх, Лисандр, 27.

ный идеал женщины, происходили из южной Фракии.³¹ Сиракузянин Моним и финикиец из Гада-ры Менипп³², как указывает Диоген Лаэртский, сначала были рабами. Да и Антисфен, как мы уже говорили, считался в Афинах не совсем полноправным — нофоем, поскольку происходил от ра-быни-фракиянки. И Зенон из Кития, не успевший еще стать стоиком, был полугреком-полуфиникийцем из кипрского Кития, или Китиона.

Мы не знаем имущественного положения Деметрия Фалерского в этот период. Вынужден-ный спешно ретироваться из Афин, он вряд ли мог увезти с собой много денег. Изгнанники, слу-чалось, по возвращении в свой город могли распоряжаться своим прежним имуществом — как нас убеждает биография Динарха. И даже махинации Проксена не меняют сути дела. Однако Динарх, похоже, не подвергался исангелии — в отличие от Деметрия, которому сразу же приписали по-пытку ниспровержения демократии. Буле по исангелиям был ограничен в наложении штрафов 500 драхмами; зато экклесия меры не знала — штраф в 100 талантов, какой в свое время присудили Тимофею, или полная конфискация имущества не были чем-то немислимым.

Возможно, Кассандр не оставлял афинского «ссылнопоселенца» без внимания и матери-альных воспомоществований, но Плутарх в трактате «Как отличить друга от льстеца» говорит о «безвестности и стесненных обстоятельствах» Деметрия в Фивах. Фактически вторит ему и Цец, допуская, правда, фейк относительно Коринфа.³³

К чему мы об этом? Да к тому, что, вынужденно оставив свой город, Деметрий Фалерский по некоторым существенным внешним признакам — гражданскому статусу и имущественному положению - приблизился к киникам. В широком, но, естественно, переносном смысле вся преж-няя Эллада, в том числе в первую очередь Афины, в момент собственного умаления перед кон-трастно раздающимися вширь и вглубь империями, постепенно оказалась в кинической системе координат, перед необходимостью опрощения и отказа от привычных полисных удовольствий, принудительного «угасания желаний», и превратилась скорее в скопище полисов-побирушек. Все их материальное благополучие замкнулось на выборе патрона-покровителя побогаче и познатнее и отслеживании текущей военно-политической конъюнктуры. Так в новом имперском измерении полисы утрачивали — не сразу, не всю и не окончательно — свою самоидентифицированность. Вся Эллада стала «дурак ты, Гегесий». А гениальность Диогена проявилась в том, что он вперед других прочувствовал наступление новой эпохи. И его система, даже отвечая духу времени, в силу индивидуалистичности при всей ее маргинальности оказалась элитарной и чрезмерно сложной для повсеместного распространения. Но интеллектуалы вроде Деметрия Фалерского представляются

---

³¹ Мы не слишком углублялись в предмет, однако по тому, что нам известно о Маронее в связи с Метроклом и Гиппархией, трудно с определенностью настаивать именно на фракийской локализации этого города. Между тем в Аттике, неподалеку от мыса Сунин и лаврийских горнорудных разработок, была своя Ма-роней. В 483/2 году до н.э. там открыли исключительно богатую жилу, приносящую ежегодно 100 талан-тов серебра. Абстрактно мы усматриваем больше логики в таком местоположении Мароней. Конечно, Кра-тет Фиванский бродяжничал, и источники не дают сомневаться в этом. Но кой черт понес его на периферию эллинского мира, которой тогда была восточная Фракия, так надолго, что он успел обзавестись там Гиппар-хией? Их женитьба (фактическая или фиктивная) состоялась в Маронее, если верить свидетельству Диогена Лаэртского. Между тем аттическая Мароней подобного недоумения не вызывает.

³² Мы допускаем анахронизмы, ибо ведем речь о явлении, а не о последовательности событий.

³³ Johannes Tzetzes. *Histories* 4.740; 747-8.

нам более подготовленными для восприятия и усвоения теоретических истин Антисфена и практических — Диогена. Диоген подал пример: *«Кто-то корил Диогена за его изгнание. "Несчастный! ответил он. – Ведь благодаря изгнанию я стал философом". Кто-то напомнил: "Жители Синопа осудили тебя скитаться". "А я их – оставаться дома", – ответил Диоген»*.³⁴ Кинический выбор Деметрия Фалерского, если бы он состоялся, гипотетическое приобщение к философии в таком, диогеновском смысле не были бы сознательными актами его воли, они вынуждались бы обстоятельствами.

Однако случай, распорядившийся последними, не смог обойтись без неожиданных совпадений. Самой значительной фигурой постдиогеновского кинизма был Кратет Фиванский, и именно он встретился Деметрию в своем родном городе. Об этом эпизоде у нас осталось свидетельство Плутарха — единственное в своем роде для фиванского периода в жизни Деметрия Фалерского. Мы упоминали о нем выше.

Кратет был интересной личностью. При всей скудости сведений о Диогене Синопском о Кратете нам известно еще меньше. Хотя некоторые его деяния заслуживают равенства с знаменитыми диогеновскими эскападами. Например, нам известно от Диогена Лаэртского (со ссылкой на доксографа-перипатетика III-II веков до н.э. Антисфена Родосского и его «Преемства философов»), что Кратет был довольно состоятельным по рождению³⁵, но свои деньги, коих набралось около 200 талантов,³⁶ поделил между согражданами, а сам предпочел безбедному существованию философию и скитальческую жизнь. Очевидно, на этом свидетельстве основывались Симпликий в своем примечании на трактат Эпиктета: *«И бедность, может сказать Эпиктет, тоже не представляет из себя ничего страшного, иначе она показалась бы страшной фиванцу Кратету, который, передав свое имущество родному городу и добавив при этом: «Кратет Кратета денег своих лишил», — почувствовал тогда себя свободным и, словно при получении свободы, увенчал свою голову венком, поскольку выменял бедность на богатство»*.³⁷ И император Юлиан Апостат (Отступник) в своей известной речи: *«Кратет же отдал свое имущество в собственность сограждан и, будучи телесно безупречен, обратил свои недостатки в шутку, смеясь над собой за свою сутулость и хромоту»*.³⁸ Впрочем, существуют и другие версии, две из них у того же Диогена Лаэртского - *«Диокл сообщает, что Диоген убедил Кратета все свои земли отдать под пастбища, а все свои деньги бросить в море»*³⁹ и *«Деметрий Магнесийский сообщает, что свои деньги Кратет положил у менялы, договорившись так: если его дети будут, как все, тот отдаст им деньги, если же они станут философами, то раздаст деньги*

³⁴ Диоген Лаэртский, указ. соч., VI, 2, 49.

³⁵ Он принадлежал к известной в Фивах семье Асконда.

³⁶ Плутарх в своем раннем трактате «О том, что не следует делать долгов» называет другую цифру — 8 талантов.

³⁷ Энхиридион. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета», Владимир Даль, Спб., 2012, с. 140-1 — перевод А.Я.Тыжова.

³⁸ Юлиан. К невежественным киникам» - в: Император Юлиан. Сочинения, Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007, с. 206 — перевод Т.Г.Сидаша.

³⁹ Диоген Лаэртский, указ. соч., VI, 5, 87.

*народу, потому что философам деньги не надобны».*⁴⁰ Принадлежность Кратета к лучшим семействам Фив подтверждает и Апулей: *«Но прежде чем стать настоящим Кратетом, он числился среди первых фиванских граждан как человек знатного рода, владелец многочисленной челяди, украшенного просторным вестибулом дома, прекрасной одежды, прекрасных помещений».*⁴¹ Его апофтегмы собирал Зенон. Плутарх не только написал биографию Кратета, к сожалению, потерянную для нашего времени, но постоянно вставлял назидательные примеры из его жизни в свои «Моралиа» («О спокойствии духа», «О сохранении здоровья», «О воспитании детей», «О том, что не следует делать долгов», «Пиршественные беседы», «Супружеские наставления», «О счастье Александра Великого» и т.д.). Возможно, что и в эпизоде из жизнеописания Деметрия Полиоркета⁴² - имелся в виду не Кратет-академик, как чаще всего считалось, а именно Кратет Фиванский!

По крайней мере, к такой точке зрения, кажется, склоняется, например, Пасхидис.⁴³ Не будем разбирать его аргументацию. Укажем лишь на то обстоятельство, что о недюжинной способности Кратета убеждать самых разных людей твердят практически все имеющиеся в нашем наличии источники, а Апулей даже поет ей настоящий гимн: *«Кратета, этого знаменитого последователя Диогена, его современники в Афинах чтили словно домашнего духа-хранителя. Не было ни одного дома, который был бы заперт для него; не было у главы семейства такой сокровенной тайны, в которую не был бы своевременно посвящен Кратет; во всех тяжбах и ссорах между родичами он бывал посредником и судьей. Рассказывают про Геркулеса поэты, будто некогда мужеством своим он смирил ужасных чудовищ в человеческом и зверином образе и очистил от них землю. Подобным образом, в борьбе против гнева и ненависти, алчности и похоти, а также и остальных чудовищ и позорных пятен духа человеческого таким Геркулесом был Кратет».*⁴⁴ Сразу стоит отметить, что Кратет в отличие от других киников — вещь практически неслыханная — был женат. Гиппархия (так звали неожиданную спутницу жизни Кратета), в девицах весьма привлекательная особа, происходила, как и ее брат Метрокл, учившийся у Кратета, из обеспеченной семьи, но вдруг загорелась желанием составить философу компанию в его странствиях. Никакие уговоры — а ее увещевали родители, подруги, да и сам Кратет — так и не подействовали, и она предпочла благополучию, знатности и хорошей партии, которую могли

---

⁴⁰ Там же, VI, 5, 88.

⁴¹ Апулей. Флориды, XXII - перевод С.П.Маркиша.

⁴² «Фиванцам он даровал их прежнее государственное устройство, афиняне же отпали от Деметрия и, вычеркнув из списка эпонимов Дифила, который был внесен туда по праву жреца Спасителей, постановили снова выбирать должностных лиц в согласии с отеческими обычаями, а поскольку Деметрий, вопреки их ожиданиям, быстро входил в силу, призвать из Македонии Пирра. В ярости Деметрий начал жестокую осаду города, но, когда народ прислал к нему философа Кратета, человека прославленного и уважаемого, он склонился на просьбы этого посланца, а вместе с тем признал и справедливость его советов, касавшихся преимуществ и выгод самого Деметрия; прекратив осаду, он собрал все суда, какие были в его распоряжении, и, погрузив на них одиннадцать тысяч пехотинцев и конницу, поплыл в Азию, чтобы отнять у Лисимаха Карию и Лидию» - Плутарх. Деметрий.

⁴³ Paschalis Paschidis. Between city and king. Prosopographical Studies on the Intermediaries Between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322-190 BC) – в: МЕЛЕТНМАТА 59, Athens, 2008, с. 150 - 152.

⁴⁴ Апулей, указ. соч., XXII.

составить ей женихи из лучших семейств Маронеи, разделить с Кратетом скитальческую жизнь, полную лишений и неизвестности. Бродяжничеством дело, как считалось в древности, не ограничилось. Мы не знаем, сколько правды в рассказах о том, что Кратет и Гиппархия прилюдно совокуплялись на площадях и в других присутственных местах, не обращая внимания на окружающих, и только иногда Зенон по доброте душевной заслонял их. Скорее всего, эта версия — не более чем апокриф. Однако ее возникновение весьма показательно. Пожалуй, более хрестоматийный пример кинического бесстыдства трудно придумать, и на этом поприще Кратету и Гиппархии проигрывал даже Диоген. Гиппархия в итоге родила Кратету сына и дочь, сама стала философом и даже на симпосейоне у царя Лисимаха «срезала» в споре Феодора Безбожника, слывшего недюжинным полемистом.

Это был уже чуточку другой кинизм, чем кинизм Антисфена или Диогена.⁴⁵ *«Здесь на первый план выступал образ врача: мир воспринимался скорее больным, чем враждебным. Ведущее место отводилось филантропии; особое внимание уделялось дружбе, общинности, братству мудрецов; выдвигались требования помогать людям, приносить им пользу. Добродетель выступала уже вместе с удовольствием — и не с удовольствием от презрения к удовольствию (которое, по Диогену, есть величайшее удовольствие), но - вместе с удовольствием от вещей природных. Не будучи чужды социального эпатажа (а многим из жестов даже этих «умеренных» киников могли бы позавидовать нынешние панки), философы этого умонастроения создали более легкий, человеколюбивый и созерцательный кинизм, который и стал в свое время основанием для стоицизма, родоначальник которого - Зенон Китийский - был учеником Кратета».*⁴⁶

Таким был возможный проводник Деметрия Фалерского по миру кинической мудрости.

Однако вернемся к Плутарху. К другому его трактату. А именно к тому самому - «Как отличить друга от льстеца». Если принимать на веру этот назидательный рассказ херонейского историка о встрече Кратета и Деметрия Фалерского в Фивах, в прежние годы между ними не установилось дружеских отношений. По крайней мере, логика выбора (если он у него был или не вынуждался обстоятельствами) афинянином места добровольной ссылки никак из наличия в нем Кратета не исходила. Скорее отношение к нему Кратета его должны были удивить. Кратет проявил неожиданные участливость и сердечие. *«Как близок и дружествен (ἤος οικείου καὶ φίλου) человеку всякий человек, можно увидеть во время скитаний».*⁴⁷

Очевидно, что для киника узреть в Фивах некогда блестящего правителя Афин в положении понуренного изгоя стало неожиданным. Настолько же, как для подавленного суровостью судьбы ее недавнего баловня вдруг оказаться на одной ступени с философствующим о добродетели бездомным оборванцем из породы «свихнувшихся Сократов» — старым, лысым, горбатым и

⁴⁵ «Ни Диоген не был репликой Антисфена, ни Кратет – дубликатом Диогена» - Navia Luis E. Classical cynicism: a critical study, Greenwood Press, с.120, перевод наш.

⁴⁶ Сидаш Т.Г. Философия Диона Хризостома в контексте эпохи и школы. – в: Дион Хризостом. Кинические речи, СПб. Нестор-История, 2012, с.226.

⁴⁷ Аристотель. Никомахова этика, VIII, 1, 1154а.

уродливым Кратетом, которому еще в Афинах он посылал хлеба и вина. Посылал из милосердия, которое, будь Кратет более обидчивым, тот мог бы счесть за издевку и оскорбление. Но Кратет подарок принял, выговорив Деметрию только по поводу вина: *«Деметрий Фалерский послал ему хлеба и вина — он стал попрекать его и воскликнул: «Ах, если бы источники текли и хлебом!» — ибо, конечно, пил он только воду»*⁴⁸. *«Привыкайте есть простой хлеб и пить воду, а к рыбе и вину даже не прикасайтесь. Такая пища, словно волшебное снадобье Кирки, стариков превращает в животных, а юношей - в женщин»*.⁴⁹

Это показательный момент. Кратет был крайне щепетилен насчет подаяний и подарков и выработал целый кодекс «попрошайничества». Просить у кого угодно было неправильно и неприемлемо. Кстати, и Диоген, подначивая Платона, иногда совсем не беззлобно, тем не менее не гнушался просить у него подаяния.

«Не от всякого можно принимать подарки. Непозволительно, чтобы добродетель кормилась пороком».⁵⁰

«Не у всех просите на жизнь и не от всякого принимайте подарки, ибо не следует добродетели существовать за счет зла. Просить и принимать можно только у посвященных в философию. Тогда вы сможете потребовать назад свое и не будет казаться, что вы просите чужое».⁵¹

«Проси не у всех, а только у достойных».⁵²

«Диоген-собака утверждал, что все принадлежит богу, а у друзей все общее, поэтому все принадлежит мудрецу. Если кто-нибудь из этого умозаключения выбросит хоть одну посылку, он нарушит договор не между ахейцами и троянцами, но с самой жизнью. Поэтому, соглашаясь с этим утверждением, не сердитесь, когда мудрецы просят у вас три оболы. Вы даете не свое, а только возвращаете принадлежащее им».⁵³

«Когда просили денег, Диоген называл это киническим нищенством, когда же давали, - сострадательной мудростью. Зная об этом, не у всех проси, ибо не у всякого возьмешь, а только у благоразумного. Его-то мы и называем счастливым, а из прочих — никого».⁵⁴

Конечно, на одной ступени — не в буквальном смысле. Скорее всего, Деметрий даже на чужбине был одет не в рубище и вел себя с достоинством, приличествовавшим его весу в греческом мире, уже тогда непререкаемому. Но сам он чувствовал себя вдруг выброшенным из жизни и не мог сразу и безболезненно свыкнуться с этим ощущением. Так рыба хватается ртом воздух, оставшись на берегу, когда вода уходит. Хуже было другое — Кратет, сознательно сделавшийся парией, отверженным, выглядел вполне довольным жизнью. Он умел довольствоваться малым и находить в этом удовольствие. И умел убеждать — и своим примером, и словесно.

⁴⁸ Диоген Лаэртский, указ. соч., VI, 3, 90.

⁴⁹ Письма киников, 14, Кратет — молодым людям.

⁵⁰ Антоний и Максим. Рассуждения о благодетели и милости, 35.

⁵¹ Письма киников, 2, Кратет — ученикам.

⁵² Письма киников, 22, Кратет — Метроклу.

⁵³ Письма киников, 27, Кратет — афинянам.

⁵⁴ Письма киников, 36, Кратет — Диномаху.

Однако нам уже известно, что обращения Деметрия Фалерского в киники не состоялось. Завет пифии «перечеканивать монету», усвоенный Диогеном, не нашел в нем еще одного приверженца. Почему? Мог ли человек его круга интересов и угла зрения на действительность отнестись к кинизму и киникам так, как увидел их, к примеру, В. Виндельбанд, полно и выпукло выразившей мнение противоположного лагеря: *«Они проповедовали презрение к богатству, к роскоши, к славе и чести, к чувственному наслаждению и чувственному страданию; но, рассуждая с последовательностью, постепенно доведенною до крайности, они презирали также и всякую радость и всякое украшение жизни, всякий стыд и обычай, семью и родину. Навязчивые поучения этих философов-нищих высказывались преимущественно в грубых остротах, из которых много анекдотического приписывают Диогену. Серьезного размышления в них мало. Еще Антисфен, настаивая на ничтожности всяких удовольствий (вероятно, против Аристиппа), пытался обосновать свое убеждение тем соображением, что если это убеждение и неверно, то все-таки оно предохранит человека от рабства перед чувственными наслаждениями. Но у Диогена это презрение к внешним благам переходит в желчный юмор ничем не жертвующего пролетария. Кроме духовного развития, которое он еще несколько ценил, по крайней мере настолько, насколько оно ведет к добродетели, он отрицал все проявления цивилизации, объявляя их лишними, бессмысленными и опасными для добродетели. Наиболее виновны циники в том бесстыдстве, с которым они намеренно оскорбляли обычаи, касающиеся половых отношений, а также в равнодушии к семейной жизни и к государству; ибо их космополитизм, которым хвалился Диоген, не носил позитивного характера общечеловеческого идеала, а только освобождал личность от всяких рамок, наложенных на нее цивилизацией. В частности циники, подобно их предшественникам — софистам, порицали рабство, как нечто неестественное и несправедливое. Нельзя также не упомянуть о том, что Антисфен, вопреки греческому предубеждению, называл работу благом (αγαθόν). — К безразличному (ἀδιάφρα) циники причисляют также и религию. Все мифические представления, все обряды религиозного культа считались условно утвержденными, неестественными, и оправдать их можно было разве только, как аллегорическое изображение моральных понятий. Циники исповедывали⁵⁵ тот абстрактный монотеизм, который истинное служение Богу находит лишь в добродетели. Основная мысль цинизма во всех этих положениях та, что человек должен зависеть только сам от себя. Мудрец, обладающий раз достигнутым, несокрушимым достоянием — добродетелью, преисполненный самоудовлетворения; противостоит огромному числу глупцов. Его награда — полная независимость, уподобляющая его самодовлеющим богам. Чтобы как можно меньше зависеть от внешних благ, он ограничивает свои потребности до крайностей. Чем меньше желаний, тем больше счастья. Таким же свободным чувствует себя мудрец-циник и по отношению к обществу: он видит общественные предрассудки, презирает общественную молву; его не связывают ни законы, ни нравы. Собственное величие добродетельного мудреца не нуждается в цивилизации и отвергает ее. Софистическое про-*

---

⁵⁵ Мы сохранили орфографию оригинала перевода.

*тивоположение природы и закона (φύσις и νόμος) возводится в принцип: все, установленное человеческими средствами, считается неестественным, отчасти излишним, а отчасти развращающим; и среди довольства и красоты греческой цивилизации циники проповедают возвращение к природному состоянию, освобождающему от опасностей культуры, но лишенному вместе с тем и ее благ».*⁵⁶

?

Вряд ли отторжение кинизма Деметрием было настолько же резким, насколько и поверхностным, как у Виндельбанда. Думается, он был в состоянии отделить зерна от плевел — суть учения от показной демонстративности, от эпатажного нигилизма, с которыми оно преподносилось, от того, что другой критик именовал «агрессивным примитивизмом» и «оппортунистической, неструктурированной проповедью».⁵⁷ И оценить главное. *«Несмотря на тщеславие, нередко сквозившее сквозь лохмотья их нищенской одежды..., на погоню за эффектом, которая не останавливалась ни перед чем, в этой проповеди скрывалась серьезная нравственная мысль и нравственный протест, вызванный сознанием высшей природы, духовности человеческой личности. В ней слышался отголосок подлинного учения Сократа, который умел пробуждать в душах «негодование против собственного рабства» и сознание абсолютной ценности духа. Если они отвергали безусловно всякую иную ценность, если в своем индивидуализме они совершенно игнорировали социальную этику Сократа, то надо видеть и ту долю правды, которая заключалась и в их протесте против современного им нравственного и культурного строя, несомненно разлагавшегося и обреченного гибели».*⁵⁸

Оставим в стороне частности. Безусловно, киническая апайдеусия для Деметрия, разносторонне одаренного и блестяще образованного выходца из перипатетической школы, - не самый действенный аргумент в пользу спонтанного прозелитизма. Как и нарочитое бесстыдство, преодолеваемое подчас весьма странными способами — например, с помощью рыбы или кусочка сыра ценой в пол-обола. Расхождения были гораздо глубже и непреодолимее. И вряд ли их возможно объяснить какой-то одной причиной.

Начнем с того, что весь предыдущий жизненный опыт Деметрия Фалерского в плане психологии противоречил любым импульсивным крайностям. *«По природе существуют немногие души и тела, которые способны сразу переходить от худшего к лучшему. Это оказалось возможным для Диогена, Кратета, Зенона и других мужей такого рода. Большинство же из нас от природы способно и падать понемногу и подниматься постепенно, — это касается в равной степени как души, так и тела. Средний путь надежнее и безопаснее. Он сдерживает и умеряет силу нашего рвения и лишь постепенно ее увеличивает. Поэтому [Эпиктет] призывает желать и не желать легко и без напряжения и притом делать это постепенно, то есть с постепенным ослаблением, и не направлять наши желание и стремление, а также*

⁵⁶ В. Виндельбанд. История древней философии, Тандем, Киев, 1995, с.127-8.

⁵⁷ Michael Trapp. Synics – в: Greek and Roman Philosophy 100 BC - 200 AD., London: Institute of Classical Studies, School of Advanced Study, University of London, 2007, с. 191 и 193.

⁵⁸ С.Н.Трубецкой. История древней философии», ч.1, Москва, 1906, с. 201.

*нежелание и уклонение слишком высоко. Дело в том, что человек, после разгульной жизни приучающий себя к умеренности, не должен сразу перепрыгивать к чрезмерной простоте и ограничению в пище. Напротив, он должен постепенно отучать себя от прежнего образа жизни, и, как сказал автор «Золотых стихов»: «От таких вещей надо убежать отступая».*⁵⁹

Человек, побывавший во власти, управлявший людьми, сталкивавшийся с необузданными страстями, с интересами самых разных партий и людей, вряд ли мог — по крайней мере, быстро и без продолжительной внутренней борьбы - встать на позицию киников. Тех, кто с презрением третирует государственную и гражданскую добродетель и считал принятые в обществе и государстве этические нормы в основном противоречащими настоящей добродетели, условием которой является как раз свобода от них, от почти любых условий и условностей».⁶⁰ Кроме того, человека такого ума как Деметрий Фалерский — а ведь его включали даже в список семи греческих мудрецов - вряд ли в каком-либо учении могла впечатлеть и бесповоротно убедить только личность его проповедника: *«Но как свидетельствует не без оснований Ойномен,⁶¹ кинизм есть ни антисфе-низм, ни диогенизм».*⁶² Свобода, за которую ратовали киники, не знала границ, она была абсолютной. Свободой тех людей, которые скорее предпочтут не иметь, чем иметь, которым уже нечего терять, от всех благ, соблазнов и удовольствий они уже отказались. Не таков был Деметрий Фалерский. Этот барьер оказался слишком высоким для него.

И, наконец, перипатетики, в рядах которых состоял Деметрий Фалерский, и киники говорили на слишком разных языках. Впрочем, им случалось оперировать схожими по звучанию понятиями, но подчас совершенно разными по вкладываемому в них смыслу. Например, о необходимости «согласия с природой» мог писать и Аристотель — возьмем хотя бы этот пассаж из «Политики»: *«Вот что я считаю нужным сказать о том искусстве наживать состояние, которое не является необходимым; я описал сущность его и указал на те причины, в силу которых мы прибегаем к нему. Что касается того искусства наживать состояние, которое является необходимым, то я указал на отличие его от искусства не необходимого: необходимое искусство относится к области домохозяйства, оно сообразно с природой, направлено на добывание средств к жизни и не беспредельно, как искусство не необходимое, а имеет свои границы».*⁶³ Но насколько же далеки друг от друга — дальше, чем декабристы от народа - аристотелевское «домохозяйство» и киники! Аристотель, как и киники, трактует о собственности, но с противоположным, нежели они, знаком: *«Трудно выразить словами, сколько наслаждения в сознании того, что нечто принадлежит тебе, ведь свойственное каждому чувство любви к самому себе не случайно, но внедрено в нас самой природой».*⁶⁴ Нет нужды сосредотачиваться на подробном разборе того, как разнятся этические подходы перипатетиков и киников. Эта разница слишком очевидна.

⁵⁹ Симпликий. Указ. соч., с. 85.

⁶⁰ Диоген Лаэртский, указ. соч., VI, 2, 11.

⁶¹ Переводчик имел в виду Эномая.

⁶² Юлиан. Указ. соч., с. 190.

⁶³ Аристотель. Политика, I, 3, 20, 1258a, 14 - 19.

⁶⁴ Там же, II 2, 6, 1263a, 40.

В нашу задачу не входит устанавливать либо доказывать и иллюстрировать генетическую связь между учениями киников и Сократа, хотя она общеизвестна. Но кинизм выделяется ко всему прочему каким-то особым духом, который можно принять за простую мизантропию, об руку со склонностью к эпатажу и демонстративности, показному тщеславию наоборот. Если бы не то соображение, которое мы уже высказывали. Речь о виртуозном умении и средстве обеспечить себе выбор оружия в полемике — не обязательно с конкретным объектом, а с тем явлением, которое он олицетворяет и которое за ним стоит. Слотердаик называл это принципиальной дерзостью античного кинизма, его веселостью. Причем и для него они существовали как метод, а не как *«простая сатирическая выходка, как наполовину веселый наполовину непристойный эпизод»*.⁶⁵ Мы именуем это устным античным троллингом, достигавшим у Диогена очень высокого уровня. Сократ не был так подчеркнуто асоциален и бескомпромиссен в своих поведенческих реакциях. И тем не менее мы находим у него прообраз будущих диогеновских эскапад. Даже на пороге будущей смерти сын Софрониска из Алопеки сохранил редкое самообладание: *«Во время суда (об этом пишет Юст Тивериадский в "Венке") Платон взобрался на помост и начал говорить: «Граждане афиняне, я – самый молодой из всех, кто сюда всходил...», но судьи закричали: «Долой! долой!» Потому Сократ и был осужден большинством в 281 голос. Судьи стали определять ему кару или пеню: Сократ предложил уплатить двадцать пять драхм (а Евбулид говорит, что даже сто). Судьи зашумели, а он сказал: «По заслугам моим я бы себе назначил вместо всякого наказания обед в Пританее»*.⁶⁶

Деметрий Фалерский наверняка мог это оценить. Но были поразительные вещи и обстоятельства, к которым Деметрий Фалерский не мог отнестись с должным вниманием по понятным причинам. Ведь его жизнь завершилась практически точно так же. Он сам был творческой личностью. Автором в том числе «Апологии Сократа», о которой, впрочем, нам практически ничего не известно, кроме редких упоминаний в источниках. Если верить списку его трудов, который приведен Диогеном Лаэртским.

---

⁶⁵ Петер Слотердаик. Указ. соч., с.180.

⁶⁶ Диоген Лаэртский, указ. соч., II, 5, 41.